

фанатизма (стр. 151). Безусловно также и то, что «основная идея поэмы — культ силы и отваги», перешедший в поэму из фольклора (стр. 152). Слабо доказанным представляется нам другое положение автора. По мнению А. Я. Сыркина, в эпизоде встречи Дигениса с императором (IV, 971—1089) «поэма отражает мировоззрение феодальной провинциальной знати, стремившейся к независимости от центральной власти» (стр. 151). Аргументируя эту мысль, А. Я. Сыркин говорит о «сдержанности и даже враждебности», которую проявляет в упомянутой сцене Дигенис по отношению к императору и его спутникам. Но определенная сдержанность Дигениса — это, скорее всего, проявление чувства достоинства эпического героя; о враждебности Акриты к императору, по нашему мнению, речи быть не может, ибо не враждебность заставляет Дигениса избегать встречи с воинами императора, а, напротив, боязнь в порыве гнева убить их и, таким образом, оскорбить самодержца. В поэме прямо говорится о том, что император, получив письмо Дигениса, был восхищен его смиренными словами *ἐδούμασε τῆν τοῦ τοῦ παίδος ταπεινότητα τοῦ λόγου* — IV, 1002). Не является доказательным также сближение наставлений, которые дает императору Акрит (IV, 1030 сл.), с советами Кекавмена в «Стратегиконе». Ведь «соблюдение справедливости», «заступничество за бедных» и т. п. — не более как обычные христианские добродетели, соблюдение которых украшает истинного самодержца (ср., например, изображение императора Алексея I у Анны Комниной). А то обстоятельство, что Кекавмен стоит за ограничение императорской власти, ни в коем случае не является доводом в пользу мнения об антицентралистских тенденциях «Дигениса Акрита».

Наконец, последний раздел статьи совершенно правильно характеризует «Дигениса», как своеобразное сочетание черт фольклора и ученой поэзии. К сожалению, автор не счел необходимым дать сколько-нибудь развернутой характеристики художественного своеобразия этого памятника и сравнить его с эпическими произведениями европейского средневековья.

Статья заканчивается указаниями на мировое значение памятника.

В следующей небольшой статье «Версии „Дигениса Акрита“» автор дает квалифицированное сравнение различных версий поэмы. А. Я. Сыркин специально (и это вполне естественно для русского издания эпоса) останавливается на списках «Девгениева деяния». В этой статье вызывает сомнение только категорическое суждение о языке Гротта-Ферратской версии. В этой связи А. Я. Сыркин пишет: «Перед нами достаточно правильный литературный греческий язык XI—XIII вв., не свободный, правда, от вульгаризмов» (стр. 167). Вряд ли, однако, можно говорить о каком-то едином литературном языке этого периода.

Книга хорошо отредактирована и набрана. Следует отметить только отдельные незамеченные опечатки: «на» вместо «не» (стр. 58), «временем» вместо «времен» (стр. 102) и некоторые другие.

Русское издание «Дигениса Акрита» — нужная и в целом хорошо сделанная книга; надо надеяться, она привлечет многих читателей и послужит толчком к дальнейшему изучению византийского эпоса.

Я. Н. Любарский

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРУДАХ ЮГОСЛАВСКИХ УЧЕНЫХ

1. Ђ урђе Бошковић. Архитектура средњег века. Београд, Научна књига, 1957

Дж. Бошковић — автор многих трудов по археологии Балканского полуострова. Он неоднократно выступал докладчиком на международных конгрессах византологов, руководит целым рядом экспедиций, редактирует сводные труды Археологического института Сербской Академии наук¹. Им подготовлены к печати материалы XII Международного конгресса византологов в Охриде, организатором и ученым секретарем которого он являлся.

Рассматриваемая книга Дж. Бошковића представляет собой второе, полностью переработанное издание курса, читаемого им в Белградском университете. Этим в значительной мере определяется самый характер труда. Автору пришлось включить — мы сказали бы: «втиснуть» — историю средневековой архитектуры в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке в книгу объемом около 37 печатных листов, из которых почти половину занимают иллюстрации. Естественно, что автор вынужден был отказаться от сколько-нибудь полного анализа отдельных памятников и ограничиться лишь краткими данными об архитектурном декоре, профилях, характере проемов, приводимыми в обобщенном виде в конце каждой главы.

Хотя книга Бошковића вышла в свет в 1957 г., послесловие к ней подписано декабрем 1952 г. Уже во время печатания настоящей рецензии появилось второе из-

¹ Археолошки споменици и налазишта у Србији, уредник Ђ. Бошковић, I—II. Београд, 1953, 1956.

дание книги, отличающееся от первого лишь библиографией. Замечания фактического характера, которые делаются ниже, должны рассматриваться как пожелания, которые, мы надеемся, окажутся полезными автору при последующих изданиях его работы.

Прежде всего, обращает на себя внимание прогрессивный характер общеметодологических установок, положенных в основу рецензируемой книги. Говоря об архитектуре того или иного исторического периода, Бошкович всегда выдвигает на первый план конкретные социально-экономические факторы, определяющие ее развитие. С учетом этих факторов проводится и периодизация, в некоторых случаях решительно отличающаяся от общепринятой в буржуазной науке². Каждая глава открывается сжатым, но весьма насыщенным введением, содержащим необходимые сведения об экономике и культуре рассматриваемого времени. Прогрессивность концепции автора, его диалектический подход к теме сказываются также в расположении и соотношении объема включенных в книгу материалов. Так, показательно, что главы, посвященные архитектурному развитию в Передней Азии, Северной Африке и Закавказье, начавшемуся еще на заре средних веков, не только довольно полны по материалу, но и, с одной стороны, следуют за главой о раннехристианской архитектуре катакомб и позднеантичной архитектуре, дающей общее представление о новых типах гражданских и культовых сооружений, и с другой — предшествуют большой главе о византийской архитектуре. Мы считаем такое расположение и распределение материала совершенно правильным, так как в Северной Африке и коптском Египте, в Сирии и Малой Азии, в Армении и Грузии архитектура получила значительное и подчас оригинальное развитие, по-видимому, раньше, чем в самой Византии. Поэтому и анализ архитектуры последней после рассмотрения восточнохристианских архитектур нам представляется оправданным отступлением от обычно принятого порядка, когда они описываются лишь как «школы» столичной византийской архитектуры³.

Вместе с тем думается, что в свете новейших археологических исследований заслуживают большего внимания ранние памятники в Эфесе, Далмации, Македонии, Фракии, Милане и Равенне. Автор уделяет недостаточно места характеристике зодчества этих областей, сыгравшего важную роль в формировании средневековой, в частности византийской архитектуры. Это обстоятельство не является случайным промахом: дело в том, что автор вообще склонен придавать особое значение в развитии византийской архитектуры восточным влияниям; в тех же случаях, когда объяснение того или иного явления с помощью ссылок на восточный прототип оказывается невозможным, автор прибегает к ссылкам на «эллинистическое» наследие, и во всяком случае избегает упоминаний о наследии римском.

По нашему мнению, главы о раннехристианской архитектуре катакомб и о позднеантичной архитектуре следовало бы слить в одну. Ведь большие христианские катакомбы — в том состоянии, в котором они дошли до нас, — почти современны базиликам и центрическим зданиям, созданным после Миланского эдикта или незадолго до него⁴. Небольшие крестовидные, трехлопастные и базиликальные сооружения часто входили в состав катакомб или были связаны с ними. Крестовидная в плане форма, возникшая из размещения трех больших ниш для саркофагов по трем сторонам высеченного в грунте центрального квадрата, часто встречается в этрусских гробницах, христианских катакомбах и наиболее обычна для ранних мавзолеев Багауата. Таким образом, соединение двух глав позволило бы полнее, разносторонней и вместе с тем более компактно обрисовать архитектуру позднеантичной эпохи. Кроме того, погребальным, т. е. функциональным, происхождением можно было бы объяснить и широкое распространение в культовой архитектуре крестовидного плана, который стал применяться еще до того, как ему начали придавать символическое значение, и независимо от последнего. Сюда же полезно было бы перенести весьма необходимые, особенно для студента не-археолога, данные о различных формах перехода к куполу (о трюмпах и сферических парусах), а также общие указания о значении символики чисел и форм в средневековой архитектуре. В настоящем издании все эти сведения отнесены к главам об архитектуре Востока; между тем уже в главе о позднеантичной архитектуре приводятся предварительные сведения о базилике, триконхе и т. д.; трюмпы характеризуются и упоминаемый в этой главе неаполитанский баптистерий, а паруса были еще раньше применены в равеннском «мавзолее Галлы Пладиции».

Соединение двух глав (о раннехристианской и позднеантичной архитектуре) с

² См. ниже, стр. 327 сл.

³ См. Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. II. М., 1935, стр. 458—492; Н. Мауродиноу. Византийската архитектура. София, 1955, стр. 7—9.

⁴ A. M. Schneider. Die ältesten Denkmäler der römischen Kirche. «Festschrift d. Akademie der Wissenschaften in Göttingen», phil.-hist. Klasse. Berlin etc., 1951, S. 166—195; P. A. Février. Études sur les catacombes romaines. «Cahiers archéologiques», X, 1959, p. 25—26; XI, 1960, p. 12—14.

добавлением к ним общих сведений из главы об архитектуре христианского Востока способствовало бы большей компактности и доходчивости материала.

В главе о позднеантичной архитектуре сделана попытка различить латинские и эллинистические базилики. Это очень трудная задача. Наличие трансепта не является специфичным именно для латинской базилики: немало базилик Восточного Средиземноморья тоже имеет развитое поперечное пространство, а многие западные базилики лишены его⁵. При современном состоянии материала невозможно четко разграничить латинскую и эллинистическую базилики, поэтому даваемые Дж. Бошковичем списки тех и других (стр. 17—18) могут быть приняты лишь условно. Встречаются в них и некоторые неточности. Так, дошедшие до нас римские базилики Сан-Лоренцо и Сант-Аньезе (стр. 17, рис. 12) нельзя считать изначальными; они относятся соответственно к VI—VII вв. В четвертом же веке на месте этих базилик (как и по крайней мере еще двух других римских памятников) находились огромные сооружения особого, скорее всего, погребального типа, характеризующегося апсидой во всю ширину трехнефного здания; начертанием плана они напоминают цирк⁶.

При переиздании подбор анализируемых примеров мог бы быть несколько изменен. Приводимые в книге сохранившиеся базилики относятся к VI в., т. е. ко времени византийского владычества [Сант-Аполлинаре ин Классе в Равенне, а также комплексы в Порече (Паренцо) и в Царицыном Граде]. Между тем в самой Югославии изучен целый ряд подлинных памятников IV—V вв., которые воссоздают образ ранней базилики и всего ее комплекса: это прежде всего интереснейшие постройки некрополя Марусинак, который лишь упоминается (стр. 18), но мог бы быть с успехом проиллюстрирован в книге. Весьма показательны также для IV—V вв. первоначальные постройки в Аквилее, Пуле, Градо, Порече, Марусинаке. На фоне этих более скромных и вполне достоверных памятников большие римские и палестинские базилики Константина выделялись бы как исключительные даже для своего времени. Не менее показательны монументальные постройки IV—VI вв. в новых столицах западной половины поздней империи — Трире⁷, Милане⁸, Равенне⁹, впервые открытые или заново изученные после второй мировой войны. По всей видимости, эти памятники можно с большим основанием считать предшественниками романских, чем «классические» базилики Рима (стр. 16). Перестав быть столицей государства, Рим, естественно, утратил свою ведущую роль в искусстве; она перешла к новым центрам. Именно там с IV в. складывалась замечательная архитектура кирпичных массивов и арок. Конкретное знакомство раннесредневековых строителей с позднеантичными зданиями могло начаться с реставрации позднеантичных памятников в Трире и Милане, которые, таким образом, стали предшественниками романских памятников.

Глава о позднеантичной архитектуре заканчивается параграфом о гражданских и оборонных сооружениях; он базируется на результатах важнейших работ югославских археологов в Стоби¹⁰ и Царицыном Граде (Юстиниана-Прима¹¹). Бошкович впервые вводит эти интереснейшие материалы в широкий обиход научно-популярной литературы, столь бедной сведениями о градостроительстве позднеантичного времени. Полагаем, что при переиздании книги следовало бы отвести им больше места, осветив характер рядовой застройки Стоби и Царицыного Града и притом дифференцировав их, а именно: характеристику Стоби следовало бы оставить в главе о позднеантичной архитектуре, так как этот город складывался в IV—V вв.¹¹ на основе существовавшего ранее римского; его рядовая застройка, дворцы и базилики могут рассматриваться как характерные именно для этого переходного периода. Царицын же Град, датируемый самим Дж. Бошковичем (в соответствии с найденными монетами) царствованием Юстиниана¹², почти целиком относится к VI в.; он может считаться

⁵ Cp. J. G. Davies. The Origin and Development of Early-Christian Church Architecture. New York, 1953, p. 37—48.

⁶ F. W. D e i c h m a n n. Die Lage der Konstantinischen Basilika der hl. Agnese. RAC, Anno XXII, 1946, p. 1 sqq.; R. K r a u t h e i m e r etc. Mensa — Coemeterium — Martyrium. «Cahiers archéologiques», XI, 1960, p. 15—40.

⁷ Литературу см. С. А. К а у ф м а н. Раннесредневековая архитектура в свете археологии. «Средние века», вып. XXII, 1962.

⁸ С. А. К а у ф м а н. Миланский комплекс центральных зданий. ВВ, XV, 1959, особенно ссылки на стр. 288—289.

⁹ С. А. К а у ф м а н. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеимскими. ВВ, XX, 1961, стр. 207—212.

¹⁰ План Стоби (рис. 23), насколько нам известно, впервые публикуется в столь полном виде, с нанесением ранней базилики (9) и ее баптистерия (10). Cp. G. M a n o - Z i s s i. Stobi. «Atti dello V congresso di studi bizantini», vol. II Roma, 1940, tav. LVI, fig. 1; tav. LVIII, fig. 1.

¹¹ B. N e s t e r o v i č. Un palais à Stobi. «Actes du IV congrès des études byzantines», vol. II. Sophia, 1936, p. 183; G. M a n o - Z i s s i. Mosaiken in Stobi. Ibid., p. 297.

¹² D j. B o š k o v i č. Nouvelles fouilles. «Actes du VI congrès des études byzantines», vol. II. Paris, 1951, p. 53—55; см. «Atti dello VIII congresso di studi bizantini».

типичным для сложившегося ранневизантийского градостроительства, и анализ его памятников уместнее было бы перенести в главу о византийской архитектуре, которая, кстати говоря, в своем настоящем виде недостаточно насыщена — по вполне объективным причинам — данными о гражданском строительстве.

Главу о христианской архитектуре в горной (Северной) Месопотамии при переиздании целесообразно было бы начать с введения о сасанидских постройках (перенеся сюда текст со стр. 24—25 вместе с рис. 28 и дополнив его материалом о христианской базилике в Ктесифоне). Тогда связи памятников Месопотамии с сасанидской традицией, убедительно выявленные автором, выступили бы еще более четко.

Едва ли следует в главу об архитектуре Сирии включать такой памятник, как церковь так называемого Каср ибн-Вардана: он не является типичным для этого района ни по плану, ни по кирпичной конструкции стен, ни по наличию постоянного купола. Хотя эта церковь и построена в самом сердце Сирии, она скорее может быть отнесена к собственно византийской архитектуре.

В главе о коптской архитектуре автор анализирует четыре памятника, сходных между собой по планировке головной части в виде триконха (рис. 78—81)¹⁸, по-видимому, свойственной местной традиции. Но ведь для раннехристианского Египта характерно также и святилище Мены в Мариуте, которое является представителем Александрийской, т. е. позднеэллинистической традиции в ее наиболее чистом виде. Необходимо было, на наш взгляд, не только упомянуть, но и проиллюстрировать этот своеобразный памятник, являющийся примером введения выступающего трансепта.

Поместив главу об архитектуре Закавказья перед главой о византийской архитектуре, автор обязан был, по нашему мнению, учесть самые ранние памятники Армении и Грузии — маленькие базилики и центрические здания IV—V вв., вроде собора в Ани. Главу и следовало начать именно с их характеристики, а не с описания памятников VII в. Простое упоминание (стр. 63 и прим. 4) о формировании стиля в IV—VI вв. недостаточно для выявления ранних достижений зодчества Армении и Грузии.

Армянская и грузинская архитектура рассматривается Дж. Бошковичем в одной и той же главе. Это требует особенно тщательного подбора памятников той и другой архитектуры, иначе невозможно правильно оценить вклад каждой в развитие архитектуры в целом. В рецензируемой книге памятники Армении представлены, однако, гораздо полнее, чем грузинские, и это не всегда справедливо. Так, схема, сходная с Рипсиме в Вагаршапате, была уже в конце VI в. применена в замечательном памятнике Грузии — Мцхетском Джвари.

Во введении к главе о византийской архитектуре правильно отмечается ее большое самостоятельное значение. Автор указывает, что развитие византийской архитектуры происходило «параллельно с эволюцией и переменами, которые наступали в материальных и исторических условиях на управлявшейся Византией территории». Здесь же обосновывается принимаемое автором территориальное ограничение самого понятия «византийская архитектура», в круг которой включаются памятники Константинополя, южной части Балканского полуострова, западных областей Малой Азии и Эгейских островов, т. е. районов с греческим населением (карта, рис. 116). Вместе с тем к византийской архитектуре автор вполне мотивированно намеревается отнести сооружения Равенны, Венеции, Южной Италии и Крыма в те периоды, когда они попадали под византийское владычество (стр. 73). Архитектуру же стран Передней Азии, Северной Африки и Закавказья Бошкович справедливо считает достаточно оригинальной для того, чтобы описывать ее в предшествующих главах.

Сложность и изменчивость социальных условий, в которых развивалась византийская архитектура (стр. 78), заставляют автора принять довольно сложную, и притом более дробную по сравнению с обычной, периодизацию. Он отказывается от условного традиционного деления памятников на ранне-, средне- и поздневизантийские — деления, не вполне соответствующего фазам исторического развития Византии. В отличие от этой обычной системы периодизации, Бошкович выделяет в истории византийской архитектуры пять периодов.

В соответствии с этим прежде всего обособляется параграф об архитектуре Восточной Римской империи (до формального падения западной ее части — стр. 73—79). По сути дела он носит преимущественно характер исторического введения, включающего необходимые, кратко и доходчиво изложенные сведения о торговых и культурных связях, об архитектурном образовании, церковном устройстве, о ересь и их роли в социально-политической борьбе. Переходя к характеристике собственно архи-

Roma, 1953, p. 87. По несколько более поздним данным: от Анастасия до Маврикия Тиберия. Г. М а н о-З и с и. Ископаева по Царичину Граду, 1949—1952. «Стари-нар», Нова Серија, кн. III—IV (1952—1953). Београд, 1955, стр. 167.

¹⁸ О дошедших до нас (вероятно, поздних) яйцевидных куполах Красного и Белого монастырей нужно было бы сделать указание, аналогичное примечанию 14 к описанию Георгия в Заре (стр. 44)

текстурного материала, Бошкович подчеркивает ведущую роль в строительстве этого времени капитальных городских укреплений. Она определялась германской и персидской, а позднее славянской и арабской опасностью. В книге дается поэтому относительно подробное описание наземной оборонной стены Константинополя, относящейся ко времени Феодосия, — лучше всего сохранившегося раннего памятника столицы, который сейчас заново исследован А. М. Шнейдером и Б. Мейер-Платом. О других ранних памятниках автор только упоминает (стр. 75). Следовало бы, однако, не ограничиваясь упоминанием в целом (стр. 18, 75) или отдельных деталей (рис. 130), дать план базилики Иоанна Сгудита. Кроме того, можно было бы проиллюстрировать раннюю столичную архитектуру такими памятниками, как акведук Валента¹⁴ и гексагон Евфимии¹⁵, что позволило бы конкретизировать ее все еще позднеантичный характер. Сюда же было бы целесообразно перенести указания о Салоникском ротонде; в своем перестроенном виде она представляла замечательный по композиции и мозаикам памятник, характерный для Восточной империи первой половины V в. Ротонда, по нашему мнению, заслуживает не только упоминаний (стр. 10, № 1; стр. 87, № 34), но и конкретного показа¹⁶. Здесь же могли бы фигурировать и выдающиеся памятники доюстиниановского Эфеса — раннехристианская церковь Иоанна с планом в виде открытого креста, «соборная» базилика Богоматери, относительно хорошо сохранившаяся и замечательная своей конструкцией разнообразных кирпичных сводов в частях IV в.¹⁷ Эти добавления способствовали бы уточнению представлений об архитектуре поздней Восточноримской империи.

Следующий параграф, охватывающий памятники с конца V до начала VII в., рассматривает, по удачному определению Бошковича, «архитектуру времени попытки восстановить рабовладельческую систему» (стр. 79—88); автор принял это определение вместо традиционного: «золотой век» (стр. 79, № 13). Архитектура этого времени охарактеризована как орудие прославления императора: создание бесчисленных новых культовых зданий должно было утверждать, как пишет автор, «единство государственной и церковной властей, фактически сконцентрированных в руках императора» (стр. 79). Характеристика Константинополя как центра полувосточного государства, в принципе являясь верной, в настоящее время не может быть, однако, подкреплена данными, касающимися архитектуры столичных дворцов. В композиции апсидального зала, опубликованного после появления рассматриваемой работы Бошковича¹⁸, заметна та же тенденция к восстановлению римских и позднеримских приемов, что и в планировке в основном современного ему Царицыного Града. По-видимому, приемные залы дворцов уже в Римской империи приобрели парадный характер: примером тому служит упоминаемая на стр. 18 так называемая «базилика» в Трире (IV в.), фактически выполнявшая функции приемного зала правителя Западной империи; ей предшествовал приемный зал классического периода.

Зато новые плановые схемы развиваются в культовых зданиях, план которых приобретает то вид деформированного, сильно вытянутого триконха (в Царицыном Граде), то вписанного креста (в составе константинопольского дворца). Автор правильно отмечает, что всевозможные типы культовых зданий появляются при этом параллельно с базиликой (стр. 82—83), а не развиваются постепенно из базилического типа, как обычно предполагается.

Из числа памятников, предшествующих постройке замечательных константинопольских храмов времени Юстиниана, нужно исключить Софию Салоникскую, которая, возможно, как признает и сам автор (стр. 84, прим. 22), относится к VII или даже к VIII в.; в пользу последней датировки говорят не только опубликованные археологические данные, но и сходство Софии Салоникской с церковью Успенья в Никее, отмечаемое автором в следующем параграфе (стр. 93). В отличие от более ранних купольных базилик с вытянутым планом, вроде Куджа-Калеси, Ирины и Софии Константинопольской, обе эти церкви имеют план, близкий к квадрату, что, как мы полагаем, скорее соответствует более поздней тенденции в развитии купольной базилики.

Выше уже отмечалось, что Бошкович, являясь последовательным приверженцем концепции «восточного» происхождения византийской архитектуры, пренебрегает собственно римскими памятниками. Вряд ли, однако, можно объяснить октогон Сер-

¹⁴ K. O. D a l m a n. Der Valens-Aquädukt. Bamberg, 1933; акведуком Валента можно было заменить так называемый Му'алак Кемер (стр. 79, № 16, рис. 118), который, скорее всего, относится к XVI в. (ibid., S. 23—324; E. W e i g a n d. Der Valens-Aquädukt. BZ, 36, 1936, S. 171—172).

¹⁵ A. M. S c h n e i d e r. Das Martyrion der hl. Euphemia. BZ, 42, 1942, S. 178—185, fig. 1.

¹⁶ E. D y g g v e. La région palatiale de Thessalonique. «Actes du II congrès des études classiques», vol. I. Copenhague, 1958, p. 356—365, рис. 5, 9, 13—15.

¹⁷ F. F a s o l o. La basilica di Efeso. «Palladio», Anno VI, 1956, fasc. I—II, p. 1—13, fig. 3, 12 etc.

¹⁸ The great Palace of the byzantine emperors. II report. Edinburgh, 1958; см. рец.: С. А. К а у ф м а н. ВВ, XXI, 1962, стр. 233—252.

гия и Вакха влиянием совсем не похожего на него Вираншаха и гораздо более позднего Звартноца (стр. 84). Насколько нам известно, еще никогда на Востоке не обнаружено расширения при помощи экседр многогранника, в частности октогона, тогда как на Западе этот прием получил значительное распространение по крайней мере с начала IV в.

Очень хорошее впечатление производит сжатое описание Софии Константинопольской: здесь приводятся данные о ее создателях, а также о конструктивных особенностях памятника¹⁹, с которыми автор связывает замечательное пространственное решение. Если учесть еще и общие указания о византийской строительной технике (стр. 82), сопровождаемые данными, например, о размерах кирпича и о характере кладки, то можно смело сказать, что читатель получит из рассматриваемой книги правильное представление о материальных предпосылках, на которых базировались художественные достижения византийских зодчих при Юстиниане; Бошковичу удалось показать эти предпосылки полнее, чем это делается обычно даже в курсах, предназначенных для специалистов.

Думается, однако, что необходимо дополнить анализ Софии замечаниями (пусть даже гипотетическими) о происхождении если не самой постройки, то хотя бы общей схемы Софии и ее отдельных элементов. Необязательно уточнять место, откуда именно они происходят, да это и трудно сделать, так как аналогичные здания имеются и на Востоке, и на Западе. Но, упоминая и показывая такие замечательные более ранние памятники с большими конхами, как Сан-Лоренцо в Милане²⁰, церковь в Афинской библиотеке Адриана²¹ и особенно Красная церковь около Перушицы (Фракия)²², — сооружения, восходящие к концу IV — началу VI в., — нужно связывать их именно с Софией, где этот прием получил свое наивысшее, хотя и несколько видоизмененное воплощение.

Архитектуре Равенны уделен всего один столбец на стр. 88. В число памятников, рассматриваемых здесь, входит так называемая «гробница Галлы Плацидии» и баптистерий православных. Если даже датировать их второй четвертью V в. (такая датировка ныне считается заниженной)²³, то и тогда неоспоримо, что оба памятника созданы за 100 лет до прямого вмешательства Византии в дела Равенны. Переноса понятие «византийские памятники» на гораздо более ранние сооружения, Бошкович отступает, таким образом, от провозглашенного им самим правильного принципа (стр. 73), согласно которому памятники Равенны могут считаться византийскими лишь с того времени, когда она поддала под византийское владычество. Независимо от того, построены ли «гробница Галлы Плацидии» и баптистерий православных в первой или во второй четверти V в., их следует, по нашему мнению, отнести — вместе с ранними базиликами (стр. 48) к позднеримской архитектуре, т. е. ко времени, когда Равенна стала последней столицей Западной империи. Вопрос этот не формальный;

¹⁹ Следует, впрочем, учесть, что новейшие исследования подтвердили категорическое указание Зальценберга об отсутствии в куполе Софии тех легких пористых кирпичей с Родоса, о которых сообщали относительно поздние исследователи (W. S a l z e n b e r g. *Alt-christliche Baudenkmale von Konstantinopel*. Berlin, 1854, S. 19). См. подробнее: С. А. К а у ф м а н. Из истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, 1958, стр. 200 сл.

²⁰ С. А. К а у ф м а н. Миланский комплекс... ВВ, XV, 1959, стр. 286, рис. 1—2.

²¹ Квадрикох не является первоначальной частью адриановского здания, как ошибочно указано на стр. 93; он относится либо к IV в. (по Сиссон), либо, скорее, даже к V в. (так полагает Травлос; с его работой мы знакомы лишь в изложении: P. L e m e r l e. *IV bulletin*. REB, XIII, 1955, № 169).

²² Автор колеблется в датировке церкви Перушицы (стр. 93, 124). Между тем в настоящее время амплитуда возможных колебаний значительно сократилась. Уже А. Грабар отказался от своей прежней датировки фресок Перушицы: он категорически относил их к VI в. A. G r a b a r. *L'architecture balcanique*. CRAI, 1945, p. 270 sqq. (цит. по: A. F r o l o w. *L'Eglise Rouge*. VBI, vol. II, 1950); i d e m. *Martyrium*. Paris, 1946, vol. I, p. 193, 392; vol. II, p. 316, N 2. Публикуя обмеры Покровского, А. Фролов убедительно показал, что и по строительной технике, и по композиции церковь Перушицы является ранневизантийским памятником (A. F r o l o w. *L'Eglise Rouge*, vol. II, p. 451—453, 469), относящимся к V — началу VI в. (*ibid.*, p. 474, 477). Такая датировка подтверждена недавно также в монографии Н. Панайотовой («Червената църква при Перушица». София, 1956, стр. 47—54), которая относит ее ко времени Анастасия, т. е. к рубежу V и VI вв. (стр. 54—55). Не намного отличается и датировка Н. Мавродинова и Д. Стричевић [в рецензии на кн.: F. W. D e i c h m a n n. *Studien zur Architektur Konstantinopels*. «Старинар», Нова Сербија, кн. VIII—VIII (1956—1957), стр. 427] (Красная церковь Перушицы современна церкви Сергия и Вакха). Таким образом, Красная церковь рассматривается всеми указанными авторами как предшественник Софии Константинопольской.

²³ Подробнее см. С. А. К а у ф м а н. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими, стр. 207 и прим. 89.

«мавзолей» и баптистерий отличаются от ранних византийских памятников и большей стройностью масс, и кладкой стен, и техникой выполнения сводов, и неизменным наличием скатных крыш, и трактовкой фасадов. Поэтому вынесение за одни скобки общей характеристики памятников VI в. в Константинополе и памятников конца IV—VI в. в Равенне (стр. 88—90) представляется недостаточно оправданным.

Более сложен вопрос о некоторых памятниках Южной Италии, бегло упоминаемых на стр. 205 (они характеризуются как «построенные под византийским влиянием»). Они оказались в главе о романской архитектуре. Между тем такие купольные и крестовидные памятники типичны скорее для архитектуры собственно византийской и после уточнения датировок могли бы быть отнесены к соответствующим периодам ее истории. В частности, это относится к пятикупольным церквям Калабрии — Каттолика в Стило и Сан-Марко в Россано²⁴.

Византийская архитектура в период ослабления государства и социальных брожений (начало VII — середина IX в.) бедна культовыми памятниками; дворцы же этого времени известны пока только по описаниям. Это отразилось и на тексте соответствующих параграфов книги. Как мы уже говорили выше, было бы целесообразно перенести сюда данные о Софии Салоникской. Картину не удается пополнить и искусственным отнесением к этому времени церкви в Перушице (стр. 93), так как она вовсе не похожа на другие предполагаемые памятники этого времени. Признавая его переходным, Бошкович не смог дать сколько-нибудь убедительной общей характеристики архитектуры данного периода. Интересные указания на изменения в характере декора, в частности мозаик, не могут возместить недостаточность сведений о самих памятниках и скудость выводов об архитектуре VII—IX вв.

Достоинством рецензируемой работы является наличие в ней самостоятельной главы о болгарской архитектуре (стр. 113—127); такой обзор, насколько нам известно, дается в югославской литературе впервые. Выделение данной темы в качестве особой обязывает, однако, к более полному и систематическому показу памятников Болгарии, нежели это имеет место в рассматриваемом издании. Мы согласны с автором, когда он относит памятники V—VI вв., встречающиеся на территории Югославии, к позднеантичной (или к византийской) архитектуре, поскольку они созданы задолго до возникновения здесь славянских государств. Таким образом, думается, необходимо было поступить и с почти современными им памятниками, обнаруженными на территории Болгарии, отнеся их к византийской архитектуре (подобно тому, как это делается в отношении базилики Херсонеса или Керченской церкви). Византийскими следует, как нам кажется, считать не только центрические памятники Адрианополя и Перушицы, а также первоначальный храм Софии в Софии (рис. 163), но и своеобразные храмы в Иваньино (рис. 161) и в Клисе-кой (рис. 162), столь сходные по плану с храмами Царицыного Града.

Вместе с тем представляется неоправданным умолчание об оборонных, гражданских и культовых памятниках Плиски, Преслава и других населенных мест; хотя они и построены с широким вторичным применением римских и отчасти ранневизантийских материалов, но принадлежат в основном ко времени Первого Болгарского царства и во многом принципиально отличаются от памятников византийских²⁵. В частности, это относится к Преславской ротонде, которая приводится Бошковичем в главе о ранневизантийской архитектуре²⁶ (стр. 87, рис. 127). В действительности в ней не заметно никакого сходства ни с церковью в Брусе (стр. 87, прим. 36), конхи которой едва намечаются во внешнем облике, ни, тем более, с церковью в Кон'ухе (стр. 88). В Кон'ухе мы имеем дело вовсе не с многоконховой ротондой, а со зданием, прямоугольным снаружи²⁷; внутреннее кольцо колонн совсем не отражалось во внешнем его контуре. Таким образом, церковь в Кон'ухе противоположна Преславской ротонде, конхи которой снаружи подчеркнуты, как в позднеримских многоапсидных зданиях IV в., вроде нимфеи Лициниевых садов в Риме (так называемая Минерва Медика) или церковь Герсона в Кельне. В Преславской ротонде можно скорее видеть воскрешение римского типа; справедливость этого предположения подтверждается тем, что водиче раннего средневековья стали (видимо, сознательно) воспроизводить также и древние типы зданий, в том числе и базилик.

Книга Бошковича отличается относительно широким показом памятников архитектуры Болгарии, Македонии, Сербии и Зете, что дает возможность оценить взаимосвязи средневековой архитектуры балканских народов с византийской и их большую роль в развитии средневековой архитектуры вообще. Автор является крупнейшим

²⁴ Датировка спорна. Их относят и к византийскому (IV в.) и к ранненорманскому времени (P. Loj a c o n o. L'architettura bizantina in Calabria e Sicilia. «Atti dello V congresso di studi bizantini», vol. II. Roma, 1940, p. 188. Автор считает их прототипами норманской базиликальной церкви).

²⁵ См. ниже, стр. 333—334.

²⁶ См. ниже, стр. 336—337.

²⁷ См. Р а д о ј ч и ћ. Црква у Коњуху. ЗРВИ, књ. I (XXI), 1952, рис. 11, стр. 159, 166—167.

специалистом в этой области; активно участвуя в работах Ж. Милле, он лично изучил и реставрировал целый ряд памятников Югославии²⁸. Хотелось бы пожелать, чтобы при повторном издании книги этому ценнейшему материалу было отведено еще больше места. Кроме того, значение архитектуры Балкан могло бы быть выявлено четче при ином расположении материала. В книге Бошковица за главой о византийской архитектуре следует глава об архитектуре Болгарии и Македонии (стр. 119—147), архитектура же Сербии и Зеты (стр. 273—306) рассматриваются после русской, романской и готической. А ведь памятники Сербии, за исключением некоторых произведений рашской школы, как это доказывается самим автором, развивают тенденции македонской школы или аналогичны ее памятникам. Это проявляется и в плане, и в растущей стройности зданий, и во все более богатом декоре. К тому же история Сербии и Македонии переплетается настолько тесно, что провести четкую границу между архитектурными сооружениями той и другой довольно трудно. Так, церковь монастыря Хиландар рассматривается в рецензируемой книге как памятник косово-метохийской школы сербской архитектуры (стр. 290, рис. 393—394). Но эта церковь может быть отнесена и к македонской школе, что допускает сам Бошковиц в другой своей работе²⁹. В то же время церковь Хиландара не отличишь от церкви Афона по плану, характеризующему тем же значительным развитием нартекса и эксонартекса, тем же сочетанием базилики или вписанного креста с триконхом (см. церковь Ватопеда, стр. 98, рис. 139)³⁰. Этот тип, возникший, по-видимому, в VI в. (Царицын Град), продолжал бытовать в византийской архитектуре Афона, в Македонии и Сербии, особенно в памятниках моравской школы XIV в. (Лазарица и Наупара под Крушевцем, Любостина) и XV в. (Каленич, Манасия, Чокепина, Кривая), а также в Румынии и Болгарии³¹.

Как видно, связи между Балканскими странами были явно сильнее связей Сербии с Западом; а ведь мы привели только одну из плановых схем. Еще сильнее эти внутривалканские связи проявляются, как показывает автор, в общем силуэте зданий, во внутреннем декоре, а также в наружной отделке, все более красочной и «перегруженной»³². Все это говорит в пользу необходимости помещения главы о сербской архитектуре непосредственно после глав о болгарской и македонской, а следовательно — в связи с главой об архитектуре византийской. Предположения автора о взаимосвязях сербской архитектуры с румынской и русской (стр. 298) оказались бы тогда на своем месте и послужили бы переходом к соответствующим главам книги.

Глава о русской архитектуре (стр. 148—166) покажется советскому читателю недостаточно детализированной. Следует, однако, учитывать, что в сочинениях западноевропейских авторов подобный раздел либо вовсе отсутствует, либо искажает самое существо нашей архитектуры. Автор первым в югославской литературе признает самостоятельное значение древнерусской архитектуры; тем самым он открывает дорогу к выяснению взаимосвязей между архитектурами южных и восточных славян, а равно и к дальнейшему уточнению их отношений к архитектурой Византии.

Обширный раздел об архитектуре Западной Европы (стр. 167—272) открывают главы «Западная архитектура времени натурального хозяйства раннего феодализма — дороманская архитектура» (стр. 167—177) и «дороманская архитектура на нашем (т. е. югославском. — С. К.) Поморье» (стр. 178—186). Историческое введение о переходе от одной формации к другой сопровождается необходимыми компактно собранными сведениями о переселении народов, о торговле, ремесле, искусстве, культурном уровне каролингского времени. Полезная карта, показывающая распределение ранних памятников по всей Западной Европе, включая западную часть Балкан с памятниками Словении, Хорватии и Поморья (рис. 214).

Вполне верной мы считаем периодизацию (стр. 169), согласно которой в качестве важной фазы рассматривается так называемая «дороманская» архитектура, охватывающая памятники раннего феодализма; они выделяются в особую категорию наравне с памятниками архитектуры монашеских орденов («романской») и городской

²⁸ G. Millet. L'église de Peć. CRAI, 1933, p. 350—355.

²⁹ Дж. Бошковиц. Средневековое искусство в Сербии и Македонии. Београд, б. г., стр. 14. В этой работе сама косово-метохийская школа рассматривается в качестве ответвления македонской школы (стр. 15).

³⁰ В сводной таблице, воспроизводимой Н. Мавродиновым («Византийская архитектура», рис. 107), фигурируют церковь Ватопеда (№ 3), церковь Хиландара (№ 5) и шесть других церквей того же типа, не считая приводимой тем же автором наиболее ранней главной церкви Лавры, план которой изображен на рис. 105.

³¹ Вытянутый план в сочетании с триконхом появляется и на Западе, но гораздо реже. В С.-Мария ди Кастельсепприо (Северная Италия, VII или VIII в.) триконх сочетается с небольшой однефной базиликой простейшего плана.

³² Близость югославских памятников с болгарскими была в свое время детально установлена самим Дж. Бошковицем: G. Bošković. Note sur les analogies entre l'architecture serbe et l'architecture bulgare au Moyen Âge. «Actes du IV congrès des études byzantines», vol. II. Sophia, 1936, p. 57—74, fig. 17—36.

(«готической») архитектуры. Автор правильно подчеркивает условность терминов «романский» и «готический» (а тем самым, добавим мы, и термина «дороманский»). Он отказывается также от деления раннего периода на меровингский и каролингский, обоснованно полагая, что «перемена династии не вызвала изменений в общественном строе» (стр. 169, прим. 7—8); на развитии архитектуры эта перемена тоже не отразилась сколько-нибудь существенно. Отказ от традиционного членения значительно упрощает изучение и изложение развития архитектуры в раннее средневековье.

Введение параграфов о «дороманской» архитектуре является особым достоинством рецензируемой работы, потому что обычно в общих курсах раннесредневековые памятники едва упоминаются. Серьезная заслуга автора и в том, что он привлек многочисленные памятники, включая находящиеся на Пиренейском полуострове, в Великобритании и на западе Балкан.

Отметим вместе с тем, что в главе проиллюстрированы одни только центрические памятники, сохранившиеся наилучшим образом благодаря наличию в них сводов (гробница Теодориха, баптистерий в Венаске, Жермини де Пре, Палатинская капелла, церковь Михаила в Фульде). Недостаточность такого подбора не может быть восполнена упоминанием о будто бы «небольших» базиликах VII—VIII вв. (стр. 172) и кратким перечнем (шеститом) базилик IX в. (стр. 175). У читателя неизбежно складывается впечатление, будто центрический тип культового здания был в раннее средневековье ведущим на территории Франции, Германии и Северной Италии. Такое впечатление, однако, не соответствовало бы исторической действительности, так как западная церковь очень рано стала поощрять постройку церквей базилиального плана. И действительно, привлекаемые автором дороманские памятники являются или постройками, созданными для нужд короля и высшей знати (Палатинская капелла, Жермини де Пре), или небольшими сооружениями при базиликах (баптистерии, мартирии, мавзолеи).

При последующих изданиях книги автор, вероятно, найдет возможным привлечь ряд базиликальных памятников раннего средневековья, хотя все они разрушены или значительно перестроены. Археологические исследования позволяют дать некоторые представления даже о ранних из них, таких, как С.-Мартен в Отене и С.-Этьен в Париже (VI в.) или церкви в монастырях С.-Дени и С.-Рикье (VIII в.)³³. Основные факторы романской архитектуры, складывавшиеся несколько позднее, заметны уже в таких замечательных памятниках, как большие монастырские церкви С.-Филибер де Гранлье и С.-Жермен в Оксере (IX в.), С.-Мартен в Анжере (IX и X в.), собор в Клермоне, С.-Мартен в Туре и вторая церковь аббатства Клуни (X в.): в них развивалась трехнефная структура, план с одним или двумя трансептами и двухбашенный фасад. В связи с развитием культа мощей уже тогда слагалась система крипт и кругового обхода с радиальными капеллами, усложнялись витражи и интереснейшие внутренние росписи.

Привлечение этих памятников даст возможность показать, что развитие базиликального здания со все большей алтарной частью было главной проблемой «дороманской», «романской» и «готической» архитектуры; оно неизменно характеризует культовое зодчество Запада. В этом состоит коренное отличие западной архитектуры от архитектуры Византии, славянских и кавказских народов, разрабатывавших преимущественно проблему здания центрического или близкого к квадратному, с незначительной алтарной частью.

Рецензируемая книга сопровождается обширной библиографией (стр. 345—348); она составлена по главам и в хронологическом порядке. Статьи в периодических изданиях упоминаются лишь суммарно, хотя они использованы в огромном количестве. Особо выделен список многочисленных работ самого автора, напечатанных за 30 лет (1927—1956) его научной деятельности (стр. 349—352). К сожалению, в книге отсутствуют указатели, совершенно необходимые в изданиях такого рода.

Большой, в значительной мере новый и оригинальный материал, собранный в работе Бошковича, систематизирован и изложен им так, что выявляются основные черты, взаимосвязи и взаимовлияния огромного числа памятников, которые раньше могли казаться совершенно оторванными друг от друга. Особенно ценны данные по архитектуре стран Ближнего Востока и Балканского полуострова. В целом книга Бошковича представляет собой не только полезный учебник, но и в значительной мере является итогом самостоятельных исследований, она содержит ряд новых, интересных идей.

³³ Главная церковь монастыря Центула (С.-Рикье) построена не в IX в., как указано на стр. 175, а в 791—798 гг. (R. L a s t e u g i e. L'architecture religieuse en France a l'époque romane. II éd. Paris, 1929, p. 184; Al. F u c h s. Die Karolingischen Westwerke... Paderborn, 1929, S. 10, 16). В 799 г. она уже функционировала (I r. A c h t e r. Zur Rekonstruktion der Karolingischen Klosterkirche Centula. «Zeitschrift für Kunstgeschichte», Bd. XIX, 1956, Heft 2, S. 135).

2. Dj. Boskovic, Dj. Štričević, Ivanka Nikolajvić-stojković.

L'architecture de la Basse antiquité et du Moyen Âge dans les régions centrales des Balcons (XII congrès international des études byzantines. Ochride, 1961. Rapports VII). Belgrad — Ochride, 1961, p. 155—247.

Во вступительном докладе Дж. Бошковица на XII конгрессе византологов, озаглавленном «Архитектура поздней античности и средних веков в центральных районах Балкан» определяется специфика этих районов, большая часть которых некогда вошла в состав Восточноримской империи, но сохраняла постоянные и тесные связи с Западом. Отсюда — двухсторонние влияния, с преобладанием то тех, то других и по времени и по месту.

В понятие поздней античности докладчик включает теперь также³⁴ ранневизантийскую эпоху, вплоть до конца VI в. Основная общая проблема — наличие или отсутствие непрерывности в культуре между столь широко понимаемой поздней античностью, с одной стороны, и ранним средневековьем, с другой — рассматривается в данном докладе применительно к градостроительству и архитектуре. Бошковиц допускает, что такие города, как Ниш, Белград, Охрид, Шюдра, София, Пловдив, могли быть разрушены лишь частично, подобно Царицыну Граду, исследование которого с несомненностью установило наличие раннего славянского заселения. Этим обстоятельством докладчик объясняет возрождение после 1018 г. некоторых из старых городов (стр. 157). Весьма интересные соображения³⁵ о путях сообщения, которые и в средние века примерно совпадали с позднеантичными. Этот факт в какой-то мере свидетельствует о сохранении ранневизантийских поселений и связей между ними.

Рассматривая период с VII по X в., докладчик допускает лишь очень ограниченное заселение славянами и протоболгарами территории и руин некоторых древних городов или местностей поблизости от них (стр. 157). Совершенно отрицается сколько-нибудь значительная строительная активность варваров, перешедших к оседлости, в восточной части Первого Болгарского царства (стр. 156, 159). В частности, упомянутая о Плиске и базируясь на опубликованных в Чехословакии двух статьях Д. Кранджалова³⁶, а также на его предназначавшемся для XII конгресса сообщении³⁷, Бошковиц усматривает в руинах около современной Абобы не столицу Первого Болгарского царства Плиску, вновь созданную в VIII—IX вв., а остатки какого-то ранневизантийского города. При этом допускается лишь использование протоболгарами древних зданий, покинутых византийцами (прим. 3).

Обращаясь к болгарским публикациям, в частности к довоенным проверочным раскопкам в Плиске, мы вправе заключить, что прямых указаний для идентификации Плиски и датировки ее зданий не было получено; это признал и Кр. Миятев в отчете о работах 1937 г. в «Большом дворце»³⁸. В дальнейших работах менее опытных археологов имелся ряд недостатков: нечеткие чертежи, отсутствие достаточно точной фиксации места и условий находки монет, отдельных предметов, знаков на блоках и т. д. Тем не менее мы должны признать вместе с Кр. Миятевым, что общий характер построек, их взаимное расположение и нередко курьезные детали имеют мало общего с ранневизантийской архитектурой. Нельзя согласиться с докладчиком (стр. 159), находящим в светских зданиях Плиски и Преслава полное сходство с позднеантичными и ранневизантийскими постройками в Стоби, Царицыном Граде и т. д. Широкое вторичное применение кирпича и больших блоков из римских построек кажется единственно возможным, что сближает постройки Плиски с ранневизантийскими, вроде Большого дворца в Константинополе. Но вторичное применение материалов было широко и повсеместно распространено в раннее средневековье, вплоть до ахенских построек Карла Великого; оно отнюдь не говорит о дате самих сооружений. Постановка же зданий Плиски на высокие, неиспользуемые субструкции из огромных квадратов, отсутствие единства и симметрии в планировке, примитивность композиции свидетельствуют, по нашему мнению, против отнесения дворцовых построек Плиски к ранневизантийскому времени.

³⁴ Ср. выше, стр. 327 сл. В книге «Архитектура среднев века». VI век в понятие «поздней античности», видимо, не включается.

³⁵ См. Ђ. Б о ш к о в и ћ. Археолошки споменици и налазишта у Србији, II. Београд, 1956, стр. 111—119 и карта на стр. 110.

³⁶ Стр. 4, прим. 3; стр. 7 и прим. 6. (D. K r a n d ž a l o v. O nejstarším slovanském hlavním městě Plisce. «Sbornik vysoké školy pedagogické v Olomouci. Historie», III, 1956, стр. 43—83; i d e m. Architecture budov a stavební materialy v domnělé Plisce... «Historie», V, 1958, стр. 35—140).

³⁷ Сообщение Кранджалова известно нам только по краткому французскому резюме (Resumés des communications. Belgrade — Ochride, 1961, p. 55—57).

³⁸ Кр. М и я т е в ъ. Крумовият дворец. ИБАИ, т. XIV, 1943, стр. 116.

В пользу нашей точки зрения могут быть приведены и некоторые косвенные соображения. При двукратных (а также и трехкратных) раскопках в Плиске не найдено ни одной ранневизантийской монеты. Это доказательство *ex silentio* — весьма красноречиво при сопоставлении, например, с тем, что имеет место в Царичном Граде, где обнаружены монеты, относящиеся ко всем этапам его существования — от Анастаса до Маврикия Тиверия (последние — в славянских слоях)³⁹. В то же время поздней Плиске, после перенесения столицы в Преслав, соответствуют монеты конца X — начала XI в.⁴⁰, в частности монеты Иоанна Цимисхия⁴¹ (969—976 гг.); целый ряд оловянных печатей относится к периоду византийского владычества⁴². Трудно допустить, чтобы предполагаемый докладчиком ранневизантийский расцвет Плиски не был бы также подтвержден соответствующими монетами. Наличие фрагментов керамики VII в⁴³ в фундаментах языческого храма, расположенного вне дворцовой ограды, но связанного непосредственно с дворцовым комплексом, может также подкрепить отнесение всего первоначального комплекса (до перестройки языческого храма в христианскую церковь) не к ранневизантийской, а в раннеболгарской строительной деятельности.

В качестве вероятного исключения могла бы рассматриваться лишь лежащая в стороне большая «епископальная» базилика, которая и в своей общей композиции, и по строительной технике имеет много ранневизантийских черт. Так, прослойки по пять рядов кирпича, характерные для V—VI вв., позволяют усомниться в ее более поздней датировке⁴⁴. Крестовые и цилиндрические своды из кирпича⁴⁵ тоже не противоречат датировке ее VI веком. Сомневаться в этой ранней датировке заставляет тем не менее, однородность самых различных клеем на кирпичах, вторично примененных как в базилике и в дворцовых постройках, так и в доделках, связанных с сужением ворот оборонной стены⁴⁶. Во всех этих постройках встречаются выпуклые клейма одних и тех же легионов (а также преимущественно вдавленные клейма одних и тех же частных изготовителей). Это, по нашему мнению, свидетельствует о почти одновременной разборке целого ряда всевозможных древних зданий на территории тогдашнего Болгарского царства, а значит, и об одновременности постройки или перестройки базилики второго периода в дворцовых зданиях, сужения ворот в большой оборонной стене⁴⁷.

Приведенные соображения заставляют думать, что сооружения Плиски представляют относительно более поздние и вместе с тем менее развитое, «варварское» строительство, в котором лишь использовались римские строительные материалы, а также некоторые мотивы и фрагменты сооружений различных предшествующих эпох. Поэтому мы не отбрасывали бы весь ценнейший материал, даваемый руинами Плиски для переходного периода от поздней античности к средним векам.

Докладчик находит в формирующейся новой архитектуре Западного Болгарского государства (конца X — начала XI в.) и Сербского государства Рашки черты главным

³⁹ Б. М а н о з и с и. Ископовая на Царичину Граду. «Старинар», Нова Серија, књ III—IV (1952—1953), стр. 67; књ V—VI (1954—1955), стр. 179.

⁴⁰ ИРАИК, т. X, 1905, стр. 291—300.

⁴¹ Кр. М и я т е в ъ. Указ. соч., стр. 91 (в доме к северу от дворцовой ограды). Р. К а г а с и т с е о n o f f. Neue Ausgrabungen in Plisca. ИБАИ, т. XIV, 1943, стр. 166 (в пристройке к зданию В так называемого Малого дворца).

⁴² Т. Г е р а с и м о в ъ. Византийски оловени печати отъ Плиска. ИБАИ, т. XIV, 1943, стр. 169—181; о применении сходных печатей уже ранее, в период Первого Болгарского царства, свидетельствуют находки во дворце Преслава (е го ж е. Оловени печати на българските цари Симеонъ и Петръ. ИБАИ, т. XII, ч. 2, 1938, стр. 354—364; рис. 156—161; Ю. Г о с п о д и н о в. Разкопки в Преславъ. ИБАИ, т. VI, 1932, стр. 183—187).

⁴³ Ст. М и х а й л о в. Дворцовата църква в Плиска. ИБАИ, т. XX, 1955, стр. 254, стр. 260 (к сожалению, без фото, без профилей и без точного указания места и условий находки).

⁴⁴ С. Б о б ч е в. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи. София, 1952, стр. 24, № 59.

⁴⁵ Фрагменты сводов, обнаруженные при раскопках, к сожалению, не были своевременно зафиксированы графически (ИРАИК, т. X, 1905, стр. 11, 114, 148).

⁴⁶ В настоящее время кирпичные части базилики, стены и ворота исчезли. О выпуклых клеймах легионов см. ИРАИК, т. X, 1905, стр. 261—262; о частных клеймах — там же, стр. 263—264.

⁴⁷ Огромное здание, предшествовавшее «Большому дворцу», и два языческих храма могут представлять наиболее ранние постройки Первого Болгарского царства, относящиеся к VIII — началу IX в. Отнесение же к Первому царству первоначальной оборонной стены (ИРАИК, т. X, 1905, стр. 49—52) вызывает сомнения (С. Н. Б о б ч е в. Крепостните кули... ИАИ, XXIV. София, 1961, стр. 118).

образом местной позднеантичной и ранневизантийской традиции, к которым присоединилось влияние архитектуры христианского Ближнего Востока, тогда как воздействие Византии играло относительно малую роль (стр. 162). Использование данных, касающихся поселений на территории собственно Болгарского царства (VII—X вв.), позволило бы прийти к более определенным выводам о переходном периоде, подкрепляющим тезис автора относительно местных истоков раннесредневекового развития. Проверка старых исследований и проведение новых раскопок в Болгарии могло бы способствовать этому в большей степени, чем отрицание ценности всего обнаруженного в Плиске, Преславе, Мадаре и их окрестностях для изучения раннесредневековой архитектуры Балкан.

* * *

Обширный доклад Дж. Стрицевича посвящен возрождению базиликального типа в культовой архитектуре центральных территорий Балканского полуострова в IX—XI вв. (стр. 165 сл.). Расходясь с Бошковичем лишь в некоторых деталях, автор объясняет возрождение базилики влиянием местных факторов, преобразованием позднеантичных и ранневизантийских приемов, часто получавших на Северных Балканах своеобразное развитие. Новые работы, главным образом болгарских, югославских и греческих археологов, а также работы русских ученых конца XIX в., привлекаемые автором, позволяют ему почти полностью отказаться от представления об имевшем здесь якобы место влиянии Ближнего Востока. Концепции сторонников так называемого восточного фактора (Протица, Велкова) Стрицевич противопоставляет концепцию Миятева, Мавродинова и Ивановой, объясняющих появление средневековых базилик и самый характер их прежде всего наличием местной позднеантичной традиции.

Основываясь на исследованиях преимущественно болгарских ученых, докладчик вносит в список ранневизантийских базилик такие памятники, как Старая Митрополия в Месемврии и церковь Софии в Софии; он добавляет к ним также большую базилику Плиски⁴⁸. Таким образом, представление о развитии древних балканских базилик значительно расширяется. В них обнаруживаются такие черты, которые обычно считают присущими восточным, а позднее — средневековым базиликам. Оказывается, что многие черты последних развились уже в V—VI вв. с переходом от раннехристианской к сводчатой базилике и к купольной (византийской) на самом Балканском полуострове. Гораздо позже, когда византийские и греческие строители уже перешли к другим системам, местная сводчатая базилика, возродившись, стала ведущим типом церковных сооружений средневековых славянских государств.

Особое внимание в докладе уделяется Софии Охридской, которую автор считает наиболее ранним из сохранившихся памятников средневековья (вероятно, IX в.). На основании новейших исследований Бошковица, Копо, Чипана этот храм рисуется как базилика с коротким трансептом и куполом над средокрастием. Вместе с базиликами Ахилла в Преспе, Богородицы Левинки в Призрене (после первого расширения) и некоторыми другими памятниками X—XI вв. София составляет группу, по целому ряду признаков близкую к ранневизантийским балканским памятникам в частности к Старой Митрополии в Месемврии и церкви Софии в Софии; именно эти два памятника, сохранившиеся с VI в., могли служить прямым образцом для раннесредневековых строителей. Унаследована была общая схема, трехчастное святилище и атрий (в плане), наличие столбов, сводов, а иногда и купола (в конструкции).

Стрицевич дает обстоятельную сводку предшествующих работ, а приводимые им новые детали и обобщения позволяют объяснить спонтанное развитие на Балканах сводчатой и купольной базилики в VI в. (обычно ее считают восточной). Тем самым открывается возможность выявить связи между средневековыми и ранневизантийскими базиликами почти или даже вовсе без традиционных ссылок на влияние восточного фактора.

Докладчик объясняет преемственность средневековых и ранневизантийских базилик сознательным возвратом после многовекового разрыва к византийской архитектуре, но не к современной, а к гораздо более ранней — VI в., которую в X в. могли принимать за римскую, раннехристианскую. Еще позднее, в период византийского владычества, восстаивали старые базилики, но в XI—XII вв. уже переходят к другим типам, в частности к триконху и производным от него формам.

Этим средневековым триконхальным, в духе ранневизантийской традиции, построкам в Сербии и Македонии посвящен другой доклад Д. Стрицевича (стр. 224 сл.). Триконх вытянутой конфигурации известен на территории Югославии по крайней мере в двух памятниках времени Юстиниана: в Царицыном Граде и около Куршумлии. Бошковиц и Мано-Зиси считали эти древние памятники прямыми предшественниками триконхальных построек школы Рашки, а посредствующим звеном между ними — восстановленную в XII в. церковь около Куршумлии. Докладчик пытается

⁴⁸ См. выше, стр. 334 и прим. 44.

опровергнуть эту концепцию: он полагает, что таким промежуточным звеном являлись охридские триконхи. Один из них обычно идентифицируется с церковью Пантелеймона, построенной в IX в. (может быть, он является и несколько более ранним). Другие триконхи, открытые недавно близ Охрида, по-видимому, тоже восходят к IX—X вв.; они могли бы рассматриваться, по мнению автора, как промежуточные между триконхами VI и XII вв. Им и посвящается большая часть доклада.

В действительности, однако, охридские триконхи, а равно и тетраконх Наума, очевидно, ближе к обычному во всем Средиземноморье равностороннему, а не к специфическому для Балкан вытянутому типу. Автор вынужден признать, что охридские триконхи принципиально отличаются от триконхов в Царицыном Граде и около Куршумлии и потому вряд ли могут рассматриваться как промежуточное звено между юстиниановскими и рашковскими (стр. 239). Добавим к этому, что охридские триконхи еще не могут быть достаточно точно датированы⁴⁹. Думается, что материал, содержащий некоторые новые, но еще не доработанные данные о только что открытых охридских триконхах, должен Международному конгрессу преждевременно: он еще недостаточно исследован и продуман.

* * *

В своем третьем докладе Д. Стрицевич пытается доказать, что Круглая церковь в Преславе является не болгарской шостройкой X в., как считают обычно, а ранневизантийской. Тезис этот не нов; он был провозглашен почти 30 лет назад Бошковицем и поддержан Радойчицем при публикации вновь открытого памятника в Кон'ух. Докладчик разыскал в отчете Миятева, а также у Милле, Зас-Залозецки, Мавродинова, единодушно относивших Круглую церковь к X в., отдельные фразы, которые можно истолковать в пользу ее датировки ранневизантийским временем⁵⁰.

Следует признать, что публикация Преславской ротонды не может считаться исчерпывающей: в ней не зафиксированы место и условия многих важных находок, особенно граффити на блоках. В частности, недостаточно точно определены условия находки керамического декора и инкрустированных некогда мраморных фрагментов, что может служить основанием считать как те, так и другие элементы случайными, не относящимися к церкви. Используя это обстоятельство, Стрицевич попросту отмечает всю полихромную декорацию. При этом он умалчивает о том, что близости от церкви найдено множество дефектных (покоробленных, пережженных, утолщенных и т. п.) фрагментов декора⁵¹: это свидетельствует об изготовлении керамического декора для данного памятника⁵². Умалчивается также о находке в близлежащем монастыре Паталейна сходных фрагментов, обнаруженных здесь вместе с печью, которая использовалась для обжига⁵³. А между тем эти два обстоятельства говорят за то, что найденные фрагменты, явно поздние, изготовляли на месте, в частности для Преславской ротонды; признание этого положения значительно затруднило бы датировку замечательного памятника ранневизантийской эпохи.

В пользу отнесения Преславской церкви ко времени Первого Болгарского царства свидетельствуют, по нашему мнению, еще и следующие важные моменты.

По своему материалу Преславская ротонда отличается от ранневизантийских построек в центральных частях империи. Каменную конструкцию стен без обычных в VI в. кирпичных прослоек еще можно было бы, хотя и с натяжкой, объяснить наличием местного легко обрабатываемого камня, а где-то поблизости еще и известняка. Но

⁴⁹ См. D. Vošković, K. Tomovski. Средневековата архитектура во Охрид. «Зборник на трудови». Охрид, 1961, стр. 86. Авторы не исключают их датировки ранневизантийским временем.

⁵⁰ Так, например, в докладе Стрицевича обходится молчанием мнение Зас-Залозецки о Круглой церкви как средневековой (W. Sa s-Z a l o z i e s k y. Die bizantinische Baukunst in den Balkanländern. München, 1955, S. 17—18, 118); зато автор дважды (№ 11, № 51) ссылается на единственную фразу этого исследователя (из прим. на стр. 119 его работы), которая может дать повод к такому толкованию.

⁵¹ Кр. Миятев. Кръглата църква въ Преслава. София, 1932, стр. 143—145.

⁵² D. T. Rice. Byzantine polychrome pottery. «Cahiers archéologiques», VII, 1954, p. 7: обисполнении местными мастерами Коринфа, Патлейна и Преславы, изучавшими технику где-нибудь в районе Константинополя; E. S. E t t i n g h a u s e n. Byzantine tiles... Ibid., p. 85: в Болгарии фаянсовая облицовка делалась на месте и для одного определенного здания (в отличие от Константинополя).

⁵³ Кр. Миятев. Кръглата църква..., стр. 145; подробнее см. Н. Мавродиново. Староболгарското изкуство. София, 1959, стр. 170, 245—248; рис. 297—304; М. А. Безбородов (Минск) и М. Р. Маринов (София). Химико-технологическое изучение древнеболгарских стекол и огнеупоров из Преслава. ИАИ, XXIV. София, 1961, стр. 89—92.

невозможно допустить, что на Балканах ранневизантийского периода имело место небрежное изготовление и плохой обжиг всего кирпича, предназначенного для сводов; кирпичи и целые куски сводов обрушившихся построек VI в. сохранили свою форму вплоть до наших дней (Диреклер в Филиппах, Белово, Перущица). Преславские же строители вынуждены были класть своды из кирпича, поломанного уже при доставке к месту работы⁵⁴, что свидетельствует о неопытности мастеров, изготовлявших кирпич, и о совсем другом времени постройки.

Несмотря на некоторую неточность фиксации Преславской ротонды, как и других памятников Преслава и Патлейна, их публикация не оставляет сомнения в том, что при раскопках не было найдено ни одной ранневизантийской монеты. Зато обильно представлены более поздние монеты⁵⁵, в том числе Иоанна Цимисхия, обнаруженные и при раскопках Плиски. Все это указывает на необоснованность отнесения ротонды к ранневизантийскому времени.

Следует еще раз отметить и несколько дополнить соображения Миятева⁵⁶, Милле, Зас-Залозецки в пользу отнесения ротонды к болгарскому зодчеству. Известным нам выдающимся памятникам ранневизантийской архитектуры чуждо выявление и подчеркивание внутренних конх во внешнем их облике. В столичных зданиях времени Юстиниана (церкви Сергия и Вакха, София Константинопольская), а также в равненском Сан-Витале и церкви VI в. в Босре внутренние конхи совсем не отражены в их наружном виде. В привлекаемой докладчиком Брусской ротонде и даже в более раннем Эфесском баптистерии малые наружные ниши лишь слегка облегчают массы стены между внутренними экседрами.

Зато тенденция к показу внутренней структуры характерна для некоторых эллинистических памятников (IV—I вв. до н. э.), а главным образом для римских зданий, начиная от павильонов виллы Адриана (первая половина II в. н. э.) и кончая нимфеем Саллюстиевых садов (так называемая Минерва Медика — начало IV в.). Поздними откликами этой римской тенденции представляются нам такие памятники, как С.-Герсон в Кельне, Сан-Лоренцо в Милане, гексагон Евфимии в Константинополе, афинская церковь в стое Адриана, маврикий в Селевкии (конец IV—V в.) и Красная церковь в Перущице⁵⁷. Поэтому мы склонны видеть в Преславской ротонде, скорее всего, тот же сознательный возврат к давно прошедшему, который устанавливает сам Стрицевич, объясняя им особенности раннесредневековых сводчатых базилик на Балканах. Непонятно, почему он не соглашается с аналогичным предположением Миятева, относящимся к данному, еще более разительному, на наш взгляд, случаю.

* * *

Хотя соображения о стилистическом сходстве (или несходстве) средневекового архитектурного декора с позднеантичным, высказанные в докладе Иванки Николаевич-Стойкович, сами по себе интересны, они представляются второстепенными при решении вопроса о датировке Преславской ротонды. В IX—X вв., когда болгарские зодчие сознательно повторяли композиционные приемы древнего Рима или поздней античности, вполне объяснимым кажется и достаточно точное подражание профилям соответствующего времени вместе с их декором.

С. А. Кауфман

⁵⁴ Кр. М и я т е в ъ. Кржглата църква..., стр. 44, 47; рис. 62 (фото упавшего свода).

⁵⁵ Там же, стр. 182.

⁵⁶ Более подробно, чем в монографии, см. в отзыве К. Миятева о довоенной публикации С.-Герсона в Кельне. ИБАИ, т. XII, ч. 2, 1938, стр. 458—463.

⁵⁷ На Востоке, например, в центральных памятниках Русафы и Амиды эта тенденция сохраняется несколько дольше (VI в.).